

Op 82
17 80

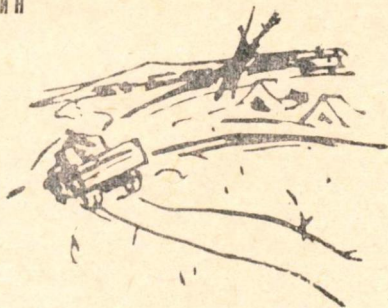
В. ПРОЛЕТКИН



СТУЧИСЬ
В СЕРДЦЕ

В. ПРОЛЕТКИИ

Op 22
1780



380605-
Стучшев
в сердце

ОРЕНБУРГСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963

Оренбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. Крупской

ЛЮДИ КОМСОМОЛЬСКИХ ШТАБОВ

1. ПОДЛЕСОК

Старенькая учительница рассказывала про удивительные вещи. Оказывается, чтобы сделать простое ученическое перо, нужно добыть в шахтах руду, выплавить из нее металл, а уж потом... А самое обыкновенное стекло — ну, и чудеса! — варят из речного песка в смеси с известняком...

Сорок ребят с восхищением слушают рассказ о сказочных кладовых земли, о том, как человек раскрывает эти богатства.

— Станете большими, ребята, доведется побывать в Орске, на никелькомбинате, тогда своими глазами увидите, как в руках человека оживает мертвая природа, — закончила урок учительница.

Эти слова глубоко запали в душу Гены Кочергина. Он пришел домой, мать поставила перед ним миску щей, положила алюминиевую ложку. И впервые в жизни Генка не стал баловаться ложкой, крутой спи-

рально изгибать ее ручку. Мальчуган представил себе людей, спускающихся в шахту за углем, рудой, бокситами, представил мощные заводы... Вот бы взаправду своими глазами увидеть! Да чего там увидеть — поработать бы самому!

А жизнь складывается порой не так, как мы хотели бы. Особенно в отроческие годы. Четырнадцатилетнего выпускника семилетки отдали в железнодорожное училище. Забудь, Генка, о своей мечте, быть тебе машинистом или путейцем! Но большая мечта имеет одно удивительное свойство: она может немножечко подождать, пока паренек подрастет, накопит силенки, и тогда будет бороться за нее уверенней и смелей! Она знает: настоящие парни всегда так поступают.

Генка оказался настоящим. Едва услышал о том, что севернее Орска намечено соорудить горнообогатительный комбинат, сказал себе:

— Пора.

Принес заявление об уходе с Оренбургского паровозоремонтного завода, где работал слесарем. Начальник цеха даже обиделся:

— Разве тебе плохо у нас?

— Какой плохо! Очень даже хорошо. Но... Гай начинают.

Старый инженер понимающе кивнул головой:

— Задерживать не будем. Были, брат, и мы когда-то молодыми!

Комсомольский секретарь Саша Безбородов искренне удивился:

— Почему едешь «диким» путем? В мае путевки будем выдавать.

— Некогда, — упорствовал Гена, — меня и так примут, не беспокойся.

Хуже было с домашними. Мать тяжело вздыхала:

— Там, говорят, и жить-то негде. Голая степь! Подождал бы, обживут люди место, тогда бы и тронулся.

— «Подождал»! «Обживут»!

— Ну, чего ты его пытаешь, — вмешался отец. — Пусть едет, подлесок еще! Вырос за большими деревьями, думает: ух, какой могучий! Я и билет куплю на поезд. Пожалуй-ста! — в голосе отца звучала обида: уезжает сын, не посоветовавшись.

Сборы были недолгими. Что нужно молодому! Шапку в охапку — и в путь-дорогу. Отец, действительно, приобрел билет да еще в купейный вагон. Геннадий вспыхнул:

— Папа, ну зачем такая роскошь? Сами говорите: трудности! Так пусть уж с первых шагов. Поеду в общем.

Постель не брал, улегся на верхней пол-

ке, накрылся пальто. Но сон не шел. Думалось о том, как встретят на стройке. Чего доброго, завернут обратно. Без путевки все-таки...

НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО

Сорок километров от Орска до курортного озера Гай. Но близок локоток, да не укусишь. Дороги развезло так, что ни конному, ни пешему туда не пробраться...

— Поживите недельку в Орске, дороги обсохнут — посоветовали парню. Куда там! Гена был согласен топать хоть пешком. Но тут подвернулась оказия. Комсомольские активисты города — шефы стройки — решили непременно пробиться в Гай. И ребята проскочили. Хотя трудно было понять, кто на ком едет: они на стареньком автобусе, или он на их плечах...

И вот — Гай! Первая в жизни стройка! Инспектору отдела кадров комсомолке Тане Куманасовой достаточно было только взглянуть на парня, чтобы понять: этот приехал серьезно!

— Кем хотите устроиться?

— Где буду нужнее.

— Пойдете к Денисову.

Это был своеобразный пароль стройки, и означал он отдел главного механика. Туда направлялись лучшие.

Ребята встретили, словно старого знакомого:

— Нашего полку прибыло. Чему обучен: по сантехнике или по сварочным аппаратам?

— Всё могу.

Через полчаса Гена участвовал в опробовании сварочного аппарата. Действует, как часы! А сколько работы впереди! Нужно подвести нитку водопровода ко второй столовой, еще одну — к бане, оборудовать систему отопления в новых домах. Хорошо, что дел много — это вполне устраивало парня с паровозоремонтного.

А в свободное время он стал работать в комсомольском штабе. Высокий, со стеснительной девичьей улыбкой, обутый в отцовские сапоги с широкими голенищами, он ходил размашистым шагом по будущему городу.

Подойдет к девушкам, работающим в котловане:

— Привет, девчата! Я из штаба. Как у вас? Только не все сразу, я стенографии не обучался.

Он садился на кучу кирпича или на бревно, вынимал записную книжку и ста-

рательно заносил туда все «жалостные» слова про бетон, который «с перебоями», про лапшу, которую «заладили», про свежую газету, которую «днем с огнем не отыщешь»...

— Выше голову, девчата! Все будет в порядке, — обещал Гена, — знаете, кто у нас начальником штаба? Бывший старшина Виктор Поляничко! Приходите в штаб, не стесняйтесь! — и Гена указывал на небольшой дом, где разместились и штаб, и первая в Гае библиотека. Генке такое соседство пришлось по душе. В часы ночного дежурства можно еще раз перечитать «Мужество» Кетлинской, «Аэлиту» Толстого. Можно и с домашними переговорить:

— Мама, здравствуй! Как папа? О, я не жалею. Все под боком — курорт «Гай» с целебными водами. Из библиотеки не вылезаю. Звоню с солидного почтамта. Когда комбинат построим? Скоро. Когда домой на побывку? Вот тут надо подумать. С отпуском не шутят, раз в год полагается...

ПРОЩАЙ, ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТЕРКА

Рассказывают про Геннадия такой случай. Подошел он как-то к группе молодых рабочих. Только что приехали из Чувашии.

— В чем нуждаетесь? — Молчат. — Ну, коли молчите, значит, живете «на большой», — заулыбался Гена. — Сегодня субботник. Приходите! Кирпич привезут, спружать будем.

Тут один парень не выдержал:

— На субботник ты мастер агитировать... А спроси нас, ели мы сегодня?

Оказалось, что ребята приехали по вербовке. Уполномоченный насулил им золотые горы, а сам уехал в Орск. Ребята прожились, до зарплаты далеко...

— Елки-метелки, что же вы молчите! — удивился Гена.

Он поднял штаб на ноги. Стали выяснять об уполномоченном — тот будет только завтра. А людям не на что поужинать... «Была не была, отдам им последнюю пятерку», — подумал Геннадий и направился к бригаде.

— Айда за мной! — скомандовал он ребятам, которые сиротливо стояли возле недостроенного дома.

— На субботник, что ли? — поинтересовался один.

— В столовую... Я угощаю!

Он заказал десять порций наваристого борща и десять порций гречневой каши с салом. Ребята ели аппетитно, щеки их порозовели.

— Спасибо, комсорг, за угощение! — ска-

зал старший, почему-то определяя в Кочергине именно комсорга.— Какое там горячее дело приключилось? Веди!

ГАЙ ХОЧЕТ ПИТЬ

Наступило лето — жаркое, незабываемое. Оно принесло молодым строителям много трудовых удач. Протянули линию электропередачи Ирикля—Гай. В городе выросло первое школьное здание — трехэтажное, полное света и тепла. 24 августа басовитый гудок тепловоза возвестил об открытии железной дороги Круторожино—Гай. На конец сентября запланировали пуск водовода Урал—Гай. Без воды стройка задыхалась, как молодое, только что высаженное в степи деревце. Воду возили даже из Орска — за сорок километров. Шло сооружение водной артерии. Механизаторы вырыли траншеи, трубоукладчики начали стыковать стальные плети из труб. Выяснилось, что труб не хватает, а металлисты из города Харцызска на тревожные телеграммы отвечают до обидного коротко: отгружаем более важным стройкам...

И комсомольский штаб послал на завод Гену Кочергина.

— Помни, ты не традиционный «тол-
кач», — сказал на прощание Виктор Поля-
ничко, — не ходи много по начальству, а
сразу в комсомольский комитет: ребята,
Гай хочет пить!

Приехал «гайчонок» на завод. Выписал
пропуск и направился в комитет. Был обе-
денный перерыв, на свежем воздухе метал-
листы играли в волейбол.

— Можно и мне? — попросился Гена.

— Становись! Рост подходящий, «гасить»
сможешь.

Мячи новенького так и посыпались на
растерявшегося противника.

— Э-э, да вы играть не того... Сразу ви-
дать: как работаете, так и отдыхаете!

— Откуда такой сердитый взялся?

Игра остановилась. Ребята окружили
Кочергина, он рассказал, зачем приехал на
завод. Вечером состоялось комсомольское
собрание. Молодые рабочие поклялись, что
гайский заказ будет выполнен в срок. И в
свою очередь попросили: водовод построи-
те, пришлите весточку... Генка обещал.
И обещание свое выполнил довольно ори-
гинально.

В конце сентября по восемнадцатикило-
метровому водоводу в Гай хлынула ураль-
ская вода. Состоялся торжественный ми-
тинг по поводу такого события. Но Гене

было не до митинга; обмакнул письмо в воду, да так щедро, что оно размокло и буквы расплылись. На почте брать отказываются: мокрое... Долго доказывал изумленным связистам, что «так надо, письмо — не послание, а вещественное доказательство...» Девчата Генку поняли с трудом.

КОНЦЕРТ ЧАЙКОВСКОГО

В Гае не найдешь улиц и переулков с характерными названиями: «Гончарная», «Конно-Сенная», «Косой», «Хлебный», «Соляной», которые нет-нет да и встретишь в Оренбурге. Гай — город юности, ему самому всего три года от роду. И улицы здесь говорят сами за себя: улица Строителей, Молодежная, Комсомольская, Октябрьская, Пионерская, Ленинская, палаточный поселок Спутник...

В Гае нет памятников старины. Есть памятники нашего времени — день и ночь над зданием средней школы горят красные звезды. Их много, целое «гайское созвездие». Каждая звездочка зажжена в честь трудовой победы.

И тем не менее в Гае есть одно здание, которое нужно будет сохранить как комсо-

мольскую реликвию. Это комсомольский штаб. Сюда идут и днем, и ночью. Идут с радостью и печалью, молодые и старые. Штаб поможет. Всем. Без исключения.

Особеннолюдно здесь по вечерам, в зимнюю лихую пору. По-волчьи воет ветер, отплясывает метелица за стеной свой монотонный танец — а людям нипочем! Соберутся «гайчата» — и ну мечтать! Каким будет город через два-три года? Сами они какими станут?

— Что с тобой, дружище? — спросили однажды товарищи Кочергина, видя, что он загрустил.

— Скоро Восьмое марта. Это день моего рождения. Матери обещал, приеду, отметим сразу два праздника. Да не получается — дела.

— Да, дел хватает! — протянул кто-то из штабистов.

Другой высказал предположение:

— А мать, поди, подарок сыну приготовила?

— А как же. Я даже знаю, какой.

— Так уж и знаешь? — засмеялись комсомольцы.

— Хотите, — сказал Геннадий, — поделюсь подарком со всеми?

Смех оборвался. Как это — поделюсь со всеми? При чем тут все?

Генка подошел к телефону:

— Тома, закажи Оренбург, — попросил он дежурную телефонистку Тамару Круглову. Та знала телефон Кочергиных, парень ведь не раз звонил домой из штаба.

— Мама, здравствуй! Как папа? Ну и чудесно. Прошу меня извинить, домой не приеду... Поздравляю тебя с праздником Восьмого марта!.. А еще, — парень немного замялся и продолжил: — У меня просьба. Включи радиолу и поставь дарёную... Хочу услышать сейчас. Ребята, кто желает послушать финал Первого концерта Чайковского? Пожалуйста!

Комсомольцы по очереди подходили к маленькой телефонной трубке, бережно брали ее обмороженными, шершавыми руками и, затаив дыхание, слушали. Трубка рассказывала о борьбе, о счастье быть настоящим борцом, о радости победы. Могучие аккорды трогали в ребячьих душах ответные струны, горячий комок подкатывал к горлу. У Гены повлажнели глаза.

Абоненты начинали нервничать — почему так затянулся разговор? Но гайстроевка Тамара была готова на жертвы:

— Тише, на проводе музыка! Чайковский! Неужели непонятно?!

Наутро он подошел к окошку телефонистки. Тамара выписала квитанцию, получи-

ла деньги. 15 минут — срок немалый. Ей даже стало жалко парня.

— Подолгу ты разговариваешь... Дорого же!

Геннадий взял квитанцию, а в его ушах все еще звучала мужественная мелодия Первого концерта для фортепьяно с оркестром. И он ответил:

— Знаешь, Томусь, мне всегда кажется, что ты не квитанции выдаешь, а билеты в Концертный зал Московской филармонии! Как было бы здорово, если бы это была правда...

2. ПАРУСА НАД КОВЫЛЕМ

Студент сдавал государственные экзамены. Пять лет учился заочно в Орском педагогическом институте. Остались считанные дни, студента все уже считали «без пяти минут педагогом». И вдруг — «переоценка ценностей»...

Как-то Виктор Юрин завел разговор с комсомольцами завода «Синтезспирт». Предлагал поехать на ударную стройку. В оренбургской степи наши геологи нашли залежи никеля, там намечено возвести город и комбинат. Многие тогда дали согла-

сие поехать на стройку. Но один отказался, да еще упрекнул:

— Чем людей агитировать, секретарь, поехал бы сам. Попытал бы ее, жизнь палаточную!

Комсорг был горячим парнем.

— И поеду. Прятаться за твоей спиной не намерен!

Прощай, школа! Комсомольская совесть привела человека на стройку. Два ряда палаток, несколько недостроенных домиков, дощатое здание растворного узла — вот и вся стройка. Посмотришь с холма на зарождающийся Светлый, нет красивей зрелища. Не палатки раскинулись в весенней степи — белые паруса поплыли по зеленому ковылю!

Пришел Виктор в комитет комсомола. Размещался он в небольшой палатке: здесь и партком, и постройком, и радиорубка, и библиотека.

Обратился к Володе Лозовому, которого только что избрали комсоргом:

— Принимай на учет...

Встал перед ним, высокий, стройный блестя золотом волос. Губы плотно сжаты. А руку стиснул так, что комсорг даже присел:

«Ого, крепкий мужик и, видать, на кого-то обижен. Ничего! Это пройдет, только

надо ему найти работенку потяжелее. Вы-
дюжит!»

— Говоришь, секретарем на заводе
был? — переспросил Володя и побежал
искать Петра Григорьевича Милашича. На-
шел, сказал:

— Пришел хороший человек! Может, по-
рекомендуем его начальником комсомоль-
ского штаба, а?

— Ишь, какой ты приткий. Сразу и в
начальники, — сказал парторг, — надо еще
поглядеть, испытать в деле... Ну-ка, распо-
рядись, чтобы поселили в нашу палатку.
Поживем, увидим, что за человек.

Пожили, увидели. Каждое утро Виктор
просыпался первым — и на Буруктал с по-
лотенцем. Наладил радиоприемник. Помог
библиотекарю организовать выдачу книг.
Провел рейд по палаткам, чтобы не было
безобразий, чтобы все знали: на стройке
есть блюстители порядка — комсомольская
опергруппа!

— Добро! — сказал парторг.

Через несколько дней состоялось заседа-
ние только что созданного комсомольского
штаба.

Виктора избрали начальником. Его по-
мощники — тоже энергичные, толковые ре-
бята и девчата.

С утра непогодило. Но к вечеру разведрилось, и светлоградцы решили организовать первый воскресник. Собрались те, кто был свободен от строительных дел. Группу возглавил сам начальник штаба. Проработали час — снова испортилась погода. Налетел вихрь. Холодный майский ветер валил с ног, хлестал по лицу песком...

В ближайшей палатке прижались друг к другу, чтобы согреться. С комсомольцами была и пожилая женщина Мария Тимофеевна Соколова.

— Эх, сейчас бы песню затянуть! — сказал Володя Лозовой.

— Закажи, какую?

— Нашу бы, буруктальскую...

— Чего захотел! А где взять ее? Поэты обошли нас стороной.

И тут Мария Тимофеевна предложила:

— Ребята, давайте сочиним сами?

— Как это — сами?

— Очень просто. Я затяну, а вы подпевайте. Начну с того, что мы живем на берегу реки Буруктал... Может, что и выйдет!

Соколова откашлялась и тихонько запела на мотив песни о боевом восемнадцатом...

На реке Буруктале
Неоглядные дали,
Вековая кругом дремота.

Молчание было ответом. Или никто не понял женщину, или комсомольцы не поверили в свои силы, только никто не ото-звался.

— Ну, что ж вы, — поморщилась Мария Тимофеевна. — Придется повторить снова.

Она повторила. Кто-то тихо и робко из угла палатки добавил:

Нам задание дали —
Покорить эти дали
И построить в степи города.

Все разом зашумели. Получается! Виктор ободрил:

— Продолжайте, Тимофеевна. Поможем!
И Тимофеевна выводила чистым ровным голосом:

На призыв ЦК родного
Молодежь дала слово:
Будет стройка закончена в срок!

Теперь вмешался другой женский голос:

Тишину нарушая,
Пилы звонко визжали
И стучал по доске молоток.

Все ответили гулом одобрения и дружно повторили куплет. А Соколова продолжала:

Если мы захотели —
Не страшны нам метели,
Суховой нам совсем нипочем.

Девичий голосок вновь продолжал:

Мы дома воздвигаем,
Мы деревья сажаем...

И сбилась девушка, что-то горячо зашептала, подыскивая рифму. Ее выручил Виктор. Как-то сама собой, нашлась последняя строка:

И веселые песни поем.

Уже вместе сочинили последний куплет:

Мы шагаем все в ногу,
Одолеем дорогу,
По душе нам кипучая жизнь.
Своего мы добьемся,
Мы Отчизне клянемся,
Что построим в стране коммунизм!

За пологом палатки свирепствовал степной ветер.

Небо было черным-черно от поднявшейся пыли, песка, сухой травы. А в укрытии сидели участники воскресника и разучивали свою первую «Комсомольскую — Буруктальскую».

Когда стих ураган, юноши и девушки снова вышли на стройплощадку. Работали с песней на устах. Своей песней.

Как-то зашел начальник штаба в палатку № 29. Дело было осенью. Последние дни доживали под брезентовой крышей сестры Валя и Галя Поминовы, Майя Полуэктова и другие. Виктор обещал поговорить с сестрами о курсах маляров. Поговорил и собирался уходить, как вдруг заметил над кроватью Майи барельеф Ленина. Так неожиданно: степь, палатки — и скульптура!

— Майя, твой? — спросил он Полуэктову.

— Мой, — неуверенно ответила та.

— Спасибо, что привезла сюда. Как-то на душе светлее стало. Словно дома я, где все обжито и знакомо. Еще раз спасибо! — Виктор шагнул к девушке и хотел пожать ей руку, но та отстранилась:

— Я тут ни при чем. Это подарок Нины Волковой. Она уехала на станцию Профинтерн, туда вагоны с кирпичом пришли.

— Тогда спасибо ей!

Но тут вмешались в разговор сестры Поминовы. Валя сказала:

— Уж если кого благодарить, так Симу. Помните, что вселилась в общежитие. Это ее.

А Галя возразила:

— Нет, не ее. С нами вместе жила беленькая такая, имя сейчас и не вспомню. Она теперь на курсах в Орске. Точно, она привезла барельеф в Светлый. А уезжая, сказала: «Пусть Ильич останется с вами. До конца!»

Виктор стоял и смотрел на знакомый облик. Люди приходили жить в палатку, люди покидали ее. Но никто не увозил с собой барельеф, а дарил близкому человеку. Потому что Ленин дорог всем. Особенно здесь, у истоков новой жизни. До уг всей палатке № 29, по утрам покрытой белым бархатом инея, а к вечеру насквозь пробитой злыми пулями осеннего дождя...

МАМА — ИНСПЕКТОР

«Десятиклассники!» — так в шутку называют бригаду маляров. В ней 12 девчат. Приехали на стройку с аттестатами зрелости.

Начальник штаба хорошо знал их, частенько наведывался в общежитие. Но однажды повстречался в коридоре с пожилой женщиной.

— Кто она? — спросил у девушек.

— Тс-с, — зашептали те. — Это инспектор!

— Инспектор? — изумился Юрин. — По какой же линии?

— Тут целая история.

А история такая. Штамповщица Оренбургского завода металлических изделий Людмила Богатырева закончила вечернюю школу и надумала поехать в город Светлый. А мать в ответ: выбрось стройку из головы!

Тогда дочь обратилась к отчиму. Тот ответил матери: разве тебе дома плохо? Или тебя здесь обижают?

Людмила решила готовиться к отъезду тайком. Купила чемодан и отнесла его к подруге. Потом стала «одалживать» налево-направо свои вещи: кому платье, кому кофту. Одной товарке даже «удружила» мыльницу с зубной щеткой!

Матери все стало ясно: упрямая девчонка готовится к побегу.

У Александры Филипповны имелся в руках один немаловажный козырь: отчим был начальником цеха, где работала дочка, и она полагала, что он не отпустит Людмилу с производства.

Поначалу так и получилось. Отчим порвал первое заявление об увольнении, порвал и второе. Александр Дмитриевич хотел этим убедить Людмилу, что пойдет на все, только бы оставить ее дома...

Вечером состоялся решительный бой. Люда изрядно поворошила комсомольские биографии отчима и матери:

— Сами юность провели на стройках пятилеток, а меня держите в четырех стенах! Хорошо это? По-советски?

— Не держим. Просто хотим, чтобы ты училась дальше, пока молодая. Вот и все.

— Я и там буду учиться!

— Какое же учение на голом месте? Ведь города еще нет. Название одно — Светлый, и все.

— Вот-вот, толкаете на готовенькое. Разве это по-советски? Какая же я комсомолка после этого буду? Так, с билетом в кармане. Наблюдательница!

Первым не выдержал Александр Дмитриевич. Он стал усиленно протирать очки. Затем сдалась и мать. Махнула рукой:

— Ладно, отец, подпиши ей заявление. Пусть отправляется в свой Светлый. Но предупреждаю: я приеду на стройку! Вот только потеплеет, ноги перестанут ломить. И если что будет не по мне — забираю домой!

И строгая мамаша выдержала характер. Приехала. Увидела дочь в синем комбинезоне, припорошенном белилами, — глаз не могла оторвать! Какая, оказывается, доченька-то у нее самостоятельная! И по-

другами богатая. И в общежитии хорошем живет. Сами его строили, сами и благоустраивали. Чистенько в комнатке, уютно.

Житейское любопытство взяло: не жестко ли спать девчатам? Потрогала постели — нет, не жестко. Сходила в столовую — вкусно ли здесь готовят? Вкусно. Три дня пропадала на стройплощадке, все удивленно шептала:

— Что делается на белом свете! На глазах город растет! И кто его строит? Тихони девчонки. И моя Людка с ними. Что делается!

Через неделю родительница засобирилась в дорогу.

— Что так мало гостили, мама? — спросила Людмила.

И мать, вздохнув, ответила:

— Хватит с меня и этого соблазна... Хорошо живешь, дочка! В Светлом городе живешь.

ИНАЧЕ ОНИ НЕ МОГУТ

Своенравны степи оренбургские. С утра светит ярко-желтое солнце, а уже к обеду завесит кругом лохматыми тучами, завоет ветер, и пойдет гулять хлесткая январская метелица. Горе человеку в степи...

Худо от такой непогоды и молодым строителям. Решили за три дня смонтировать первый в Светлом башенный кран. С его помощью предполагалось начать строительство собственной производственной базы. Но налетел буран, и загудела степь.

Буран продолжается день, второй. По всем правилам во время такой пурги работы должны быть прекращены, люди укрыты в надежных местах.

Буран прибавил забот и начальнику штаба. Как люди себя чувствуют? Нет ли чрезвычайных происшествий? Выйдет из вагончика, добежит до объектов или общежития — и обратно в «комсомольский теремок» на полозьях. Самым сложным и трудным объектом стала строящаяся база, ее начали сооружать на окраине города, и Виктор перевез штаб туда.

Неожиданно распахнулась дверь. В неширокий проем с трудом протиснулись люди в ватниках. Молодой бригадир Валентин Селиверстов, рослый, с сильными руками, привел своих хлопцев-электромонтажников Василия Скрябина, Анатолия Кнутовицкого, Николая Храмова и Анатолия Еценко. Все, как на подбор, высокие, в плечах косая сажень. Присели на табуретки и, словно, по команде, стали дуть на заочеченные в дороге руки.

— Зачем пожаловали? — спросил Виктор, ожидая каких-нибудь жалоб.

— За разрешением пришли. Надоело, начальник, бездельничать возле «буржуйки». Похлопочи за нас, хотим продолжать работу.

— Да вы что, с ума сошли?.. — Виктор представил себе: ребята монтируют пульт управления крана, а он находится на 25-метровой высоте, снизу кабину крановщика и не видать. Мельтешит снег, надрывно завывает ветер в сплетениях стальной громадины, в пяти шагах ничего не разберешь.

— И не думайте, пожалуйста. Вас никто не допустит к работе.

— А план? А слово, что мы дали? Нет, мы решили. Просто стыдно сидеть сложа руки, да еще за безделье деньги получать!

Что мог ответить на это начальник штаба?..

Они ушли в тревожный вечер. Было их пятеро. Трое — комсомольцы, только демобилизовались из рядов Советской Армии, двое — вчерашние ремесленники. У всех потемневшие от ветра лица, загорбелые на морозе руки. У всех порывистые сердца. По обледеневшим перилам железной лестницы осторожно стали подниматься наверх, туда, где, казалось, сти-

хия рвала и метала пуще, чем на земле.

Поединок пятерки храбрецов с бураном продолжался всю ночь. Только на короткое время ребята спускались вниз, бежали к костру, чтобы отогреть вконец одеревенелые пальцы. И снова — наверх.

В «ласточкином гнезде», как они в шутку окрестили кабину крановщика, было дьявольски холодно. Ветер зло хлестал колючим снегом по заиндеветым стеклам. Казалось, металлу было не вмоготу от мороза в 35 градусов, и он тихонько постанывал. Маленькая электролампа, что освещала кабину, дрожала мелкой дрожью, глазам становилось больно.

Но самое трудное было впереди: подводка кабеля к установленным моторам. Его нужно аккуратно уложить вдоль стальных ферм. Работы — раз плюнуть, но это в погожий день. А тут буран, ветер, мороз!

Ребята надели предохранительные стеклянные колпаки. Двое остались внизу, трое сверху тянули кабель на веревках. В ход были пущены предохранительные пояса. Через пятнадцать минут все пять колпаков вышли из строя: с сухим треском лопались на морозе стекла.

А люди продолжали работать.

Буйная пляска белого вихря к утру немного стихла. Уставший Валентин Сели-

верстов пришел в штаб, снял ушанку и негромко сказал:

— Вот и все...

Сначала Виктор не понял, что это такое «все». То ли буран уgomонился, то ли иссякли силы у смельчаков. Но взглянул в горячие, с хитринкой, глаза бригадира, и ему стало ясно: победили ребята! Электро-монтаж крана закончен!

Тут же Виктор вызвал художника и попросил написать «молнию».

— Экстренно, сию же минуту! Пусть все знают, что за люди у нас, эти электро-монтажники...

К обеду вновь завьюжило. Но со стройки никто не уходил:

— Они могли, а мы разве из другого теста сделаны?

Монтажники стали поднимать стрелу крана, несмотря на сильный ветер. Бригада Володи Тихомирова вновь взялась за прокладку теплотрассы. И когда отказал экскаватор, когда его стальные зубья оказались бессильными в борьбе с мерзлой глиной, восемнадцать парней взяли в руки ломы и кирки, пробili траншею длиной с четверть километра. Потом в нее были уложены трубы, пар и горячая вода пришли на площадку.

Обо всем этом Виктор Юрин записал в

своем дневнике, который начал вести с первого дня работы начальником комсомольского штаба. Записал и подумал: вот цена одного трудового подвига. Горстка ребят бросила вызов стихии, устояла в борьбе с нею. Их пример всколыхнул других. И уже не страшна стала метелица строителям города юности!

Прав Валентин Селиверстов: иначе они не могут. Бессилье угнетает, подвиг распрямляет плечи.

ЦЕЛИНА РАССКАЗЫВАЕТ БЫЛИ

Саша Плугатырь — бывший секретарь Адамовского райкома комсомола, он теперь на партийной работе. О целине, о товарищах по работе он всегда рассказывает тепло, живо, с чувством. Приземистый, крепко сбитый, лицо и шея покрыты бронзой — тут поработали в содружестве ветер-целинник и степное солнце. От Саши пышет здоровьем, неистощимая энергия бьет через край. Зубы белые и ровные, кариес глаза полны задора и невинного юмора. Слышится неизменное — «ты пидожды, пидожды». Это он убеждает собеседника, недоверчиво качающего головой.

И вот я снова у него дома. Сидим, пьем чай. Я спрашиваю у Саши, что у него есть новенького на этот раз?

— А что? Ничего. Все по-старому, — сказал он, — вот не знаю, слышал ли ты историю про Ленку Бадьянова, «многоженца» нашего?

— Тоже нашел тему!

— Нет, ты пидожды, пидожды трошки!
Это единственный в своем роде случай!

«МНОГОЖЕНЕЦ»

Он уселся поудобнее, и я приготовился выслушать историю какого-нибудь проходимца, пересказ скандального дела.

— Заходит как-то по весне в райком комсомола паренек. Лыняные волосы, глаза, как пишут в виршах, цвета волжской волны. «Хочу целину поднимать!» — браво этак заявляет.

Откровенно говоря, мы подумали, что кидается словами парень. А он заладил: «Все равно остаюсь, меня сюда давно тянуло». Узнали мы: кто он и откуда. Оказывается, отслужил действительную, демобилизовался, перезимовал в Куйбышеве — и айда к нам на целину.

— Трошки запозднил, говорим. Целины уже нема. Поработать в совхозе новом — будь миленький! Всегда пожалуйста, работа имеется.

Леонид прижился в совхозе «Адамовский», быстро стал своим, целинником. Работал неплохо, не гнушался никаким трудом. Скоро избрали его секретарем комсомольской организации. В общем, парень

хоть куда. Совхозные невесты так и стреляют в него глазами.

И вдруг получает наш Леонид телеграмму. Всего четыре слова: «Еду совхоз встречай Вера». Вот тебе, бабуся, и Юрьев день, думаем мы. Парень все время выдавал себя за холостого — откуда ни возьмись, такая категорическая телеграмма!

Друзья Леонида подступили к нему:

— Ну и тип ты, Ленька! Где-то жинка тебя шукает, а ты нас байками кормишь.

— Да вы что: с ума посходили? Яка така жинка?

— А Вера!

— Знать не знаю.

Ему верили и не верили.

Но это еще не все. К вечеру в совхозной конторе затрещал телефон. Сначала далекая Нина, а потом Маша срочно потребовали к трубке Леонида: «Встречай, едем!»

Для ребят все стало ясно: Ленька — сердцеед. Да еще какой!

И «многоженца» не слушали, когда он заводил речь о почтовых недоразумениях, неизвестных однофамильцах, которые, очевидно, заварили всю эту кашу. Знаем мы этих однофамильцев! — таков был наш ответ.

Делать нечего. Поехал наш Леонид встречать на станцию Шильда так неожи-

данно нагрянувших «родственников». Как уж он там их встречал — неизвестно, а возвратился хлопец домой ясным солнышком. И прямо к директору совхоза. А за ним пять девчат с узелками и чемоданчиками.

— Принимайте, товарищ директор, пополнение! Из Куйбышева, землячки. Вера, Нина, Маша... — начал знакомить Леонид ошеломленного директора. — Работать у нас хотят. Добровольцы!

Бывают же истории! Оказывается, Леонид Бадьянов написал письмо в куйбышевскую газету «Волжский комсомолец». Рассказал о своем житье-бытье, друзьях-товарищах, не забыл упомянуть про ясные зори, бескрайние степи, веселую целинную работу.

«Приезжайте, друзья, к нам, вместе будем осваивать богатырские нивы!» — так закончил свое послание в газету наш секретарь. Написал — и запомнил. Да еще редакция подвела: не сразу опубликовала письмо, приурочила к началу жатвы на целине.

Но друзья откликнулись. Вернее, подруги...

— Ну, как? Гарна история? — щурит глаза Саша.

— Ты расскажешь!..

— Не веришь? Тогда слушай еще.

Собирала жена мужа на целину. Положила в чемодан белье, рабочую куртку, выходной костюм. Не забыла о куске мыла, зубной щетке и стопке книг. Потом отошла на полчаса, чемоданом занялся муж. Пока она возилась у шифоньера, чемодан был набит до отказа.

— Чем же ты его заполнил? — полюбопытствовала у мужа, — вроде не тяжелый, а пустого места нет.

— Коробочки разные...

Все стало понятным. Муж был страстным любителем-цветоводом. Конечно, он задумал взять с собой семена цветов. И куда! На необжитую целину, в засушливую степь!

Женщина пожала плечами:

— Да там крыши над головой не будет, а ты повезешь свою забаву — цветы. Шестнадцать видов! Кому они нужны?

Это было в середине пятидесятых годов. В нагрудном кармане гимнастерки лежала комсомольская путевка, еще пахнувшая типографской краской. Бывший летчик-штурмовик решил стать хлеборобом.

С тех пор минуло шесть лет. Пройдите сейчас по центральной усадьбе совхоза имени XIX партсъезда — всюду на под-

оконниках новых домов стоят горшки с цветами. Цветут они по-разному. Гордо подняла розовую шапку гортензия. Склонилла набок красные сережки фуксия. Чутко прислушиваются к окружающему миру разноцветные колокольчики тюльпанов. Тут и роза чайная, и фикус широколистый. Разные цветы, различна у них окраска. Но пришли они из дома одного — парт-орга совхоза Федора Митрофановича Козлова. На целине было всякое, как и предполагала его жена: и палатки, и колышки, радость первой борозды и горечь первых неудач. Но никогда не расставался с любимым занятием Федор Митрофанович. Его жилище было заполнено ящичками, баночками, прохудившимися кастрюльками... В одном ошиблась жена Федора Митрофановича: никто в степи не сказал худого слова о цветах. Нежные, изумрудные ростки, лепестки распускающихся бутонов приносили на целину праздничную радость. И «козловские» питомцы перебирались из дома в дом.

Однажды в совхозе справляли комсомольскую свадьбу. Поздравить новобрачных — механизатора Виктора Нартова и счетовода Татьяну Канаеву — пришла добрая сотня друзей и знакомых. И у всех подарки: на платье невесте, шелковую сороч-

ку жениху, столовый сервиз обоим. Но ни один подарок, пожалуй, не вызвал у всех такого восхищения, как подарок четы Козловых. Парторг и его супруга пришли на свадьбу с двумя кумачовыми тюльпанами!

БОЛЬШАЯ РОДНЯ

Окраина центральной усадьбы совхоза «Восточный». Пройдешь еще десяток шагов — и ты в степи, порыжевшей от солнца. Этот кусочек степи механизаторы не трогают, превратили его в совхозный аэродром. На целине случается всякое, и самолет здесь считают верным другом.

Вот сейчас, когда мы подъехали к усадьбе, свободные от работы люди повалили на аэродром. Одеты они празднично, наверное, кого-то встречают? Но кого? Гостей из соседних хозяйств? Московских артистов? Или к оренбуржцам пожаловал знаменитый академик?

Нет, угадать такое трудно.

Повариха Ольга Моисеевна и скотник Прокалий Евдокимович Пацула жили в совхозе «Восточный» хорошо, безбедно. Одно печалило их: звонкие ребячьи голоса никогда не нарушали тишину сельского домика...

И вот кто-то из целинников привез из Адамовки известие: во время родов умерла жительница поселка И. — человек совершенно незнакомый Ольге Моисеевне и Прокалию Евдокимовичу. Женщина умерла, дав жизнь двум близнецам — мальчику и девочке.

— Попробуем, Прокалий! — не выдержало сердце Ольги Моисеевны. — Напишем заявление в поселковый Совет, пусть детишек нам дадут.

Просьба эта обсуждалась на заседании исполкома Адамовского поселкового Совета. Когда она была удовлетворена, радости приемных родителей не было границ. Они и детишек не видели, а уже купили им кровати, приданое, теплые одеяльца. А игрушек столько, что на детский садик хватит!

Разногласий в выборе имен не было. Мальчика нарекли Виктором, девочку — Людмилой. И стали готовиться к поездке в Адамовку за детьми.

О благородном поступке супругов узнали в совхозе. В тихий домик повалили хо-доки. Сначала самые легкие на ногу — комсомольцы:

— Понадобятся няньки — пожалуйста! Подошлем девчат тотчас же!

Потом заглянул представитель рабочко-

ма. Его больше всего интересовала хозяйственная сторона дела:

— Не слишком ли темно в доме? Исправны ли печи?

Наконец, зашли директор совхоза Герой Социалистического Труда И. Д. Задремайлов и парторг П. Т. Михайленко.

— Как повезете малышей из Адамовки? — спросили они. — На машине? Еще простудите ребят, так дело не пойдет! Совхоз заказал для ваших ребят самолет.

Большая у них родня обнаружилась — весь совхоз!

ЧЕТЫРЕ РЕЙСА

Александр налил стакан чаю, положил два кусочка сахара и машинально стал помешивать ложечкой. Задумался, вспомнил друзей-целинников...

Я смотрю на него, смуглолицего, и думаю: до чего же ты скромн, добрый человек! О людях будешь говорить всю ночь напролет, до первых горластых петухов, а о себе ни словечка не промолвишь. Но мне кое-что рассказывали и о тебе...

В один из мартовских дней, когда вдруг нагрянула на целинную степь оттепель, Саша должен был проводить собрание в

отделении совхоза «Аниховский». Отделение от центральной усадьбы — в 25 километрах. По хорошей дороге полчаса езды. А тут — непролазная каша, на мотоцикле не столько едешь, сколько ногами его подталкиваешь. Битый час пробивался Саша, устал чертовски. Приехал с одной мыслью: отдохну часок перед собранием.

Но прибежал знакомый тракторист Николай — растерянный, лицо побелевшее.

— Как хорошо, что ты приехал, Саша! — только и сказал, заплакал. Саша глазам своим не поверил: Николай, такой мужественный парень, а тут слезы.

— Просчитались мы с Люсей... Вот-вот родит. Мучается. Не знаю, чем и помочь. Голова кругом идет, может, посоветуешь?

— В Аниховку надо. В больницу.

— На чем? Дорога — сам видел...

Александр понял — от него ждут решения.

— Повезешь, а? — заглянул в глаза Николай.

Саша представил: один еле-еле пробился, а тут седок за спиной. Да еще какой седок! Не колыхни, не урони. А если в пути случится. И все-таки он решился:

— Скажи ребятам, чтобы немного задержались. Вернусь, надо полагать...

Дорогу развезло вконец. Машина шла

тяжело, мотор надрывно гудел. А Люся буквально лежала на его спине, вцепившись в плечи. Он слышал ее глухие стоны.

— Держись, Люся милая, держись,— шептал он в темноту. — Еще один подъемчик, а там и усадьба.

Приехали через час. Саша тревожно постучал в слабо освещенное окно фельдшерского пункта. На улицу выбежала дежурная сестра:

— Ой, товарищ Плугатырь, откуда вы? И на чем?

Саша отдыхал, сидя в приемной, курил и молчал. По занемевшим мускулам расходилась блаженная теплынь. Ноги чуточку дрожали. Он слышал за дверями стоны, какую-то возню. Прошло полчаса, а может быть, и больше. Саша приоткрыл дверь, спросил:

— Мне что? Ехать или подождать? Может, вернуться с новостями?

— Сейчас, сейчас... Ну, конечно, же с новостями! — кричала сестричка нараспев. — От нас без новостей невозможно. Уж такие мы хорошие да славные — сына родили!

— Еще один новосел, значит. Это хорошо! — невидимая пружина подбросила Сашу вверх. Он швырнул папироску в урну и громко хлопнул в ладоши: — Спасибо,

Люся милая. Я проскочу в отделение, скажу Николаю, обрадую человека. Это здорово, что сына. Жив буду, рекомендацию дам в Союз молодежи... Обязательно. И вообще, он мне как родной. Вместе будем имячко давать, ладно?

Усталость словно рукой сняло. Не застегивая полшубка, Саша выскочил на улицу, завел мотор. По раскисшей дороге вновь заметалась одинокая фара машины...

Таков мой друг, Александр Плугатырь, бывший секретарь целинного Адамовского райкома ВЛКСМ, а ныне партийный работник.

В тот вечер выдавший виды райкомовский мотоцикл совершил четвертый рейс — обратно в Аниховку. Только за рулем сидел не Саша, а Николай. Усталый секретарь дремал на спине счастливого папаша.

— До скорой встречи, Люся!

Подружки проводили ее до автовокзала. Расцеловались. Люся Федорова уезжала в родную деревню, к брату — на субботу и воскресенье. Люсю только что приняли в комсомол. Она ходила сияющая. И подружки были под впечатлением этой ее окрыленности.

— Брату с невесткой похвастайся, что вступила. Мол, это меня обязывает, буду учиться на «пятерки». Чтоб не беспокоились, — наставляли они Люсю, пока шофер собирал с пассажиров деньги за проезд. Люсе он протянул бумажную ленточку билета, чуть ли не полметра длиною. В окошко показала ленту девочкам, те захохотали:

— Поди, дорога короче!

Нет, дорога не была короче. Она шла густым лесом. Темные деревья опустили низко свои замшелые лапы. Кое-где над буро-зелеными шапками елей возвышались

бронзовые сосны. Им было тесно в еловой чащобе, они приподнялись на цыпочки, чтобы оглядеться вокруг.

Люся глядела на сумрачный лес, и ее почему-то охватило недоброе предчувствие. Не зря ли она едет домой? Брат не пошутит, напрасно она себя успокаивает. Даже соседям ясно: не хочет, чтобы Люся училась дальше. «Нахлебница! Хватит с тебя и семилетки!» — вот его слова.

Сначала она его жалела. Борис больной человек и женился на хворой. Не клеилась у него жизнь, часто выпивал, жену поколачивал, да и сестренку не баловал. Люся терпеливо сносила оскорбления. Как-никак, Борис заменил ей умерших родителей.

Хозяйство лежало на ее плечах. Она работала за троих, помня слова матери: «Мы, Федоровы, не хуже, чай, других!» Но где-то в глубине души зарождалось глухое недовольство братом. Ей хотелось, кончив семилетку, поступить в музыкальное училище, учиться играть на баяне, а брат против.

Когда ему полегчало и он стал шабашничать в «дикой» бригаде строителей и еще сильнее пить, Люся решила твердо: уедет в соседний район, будет там учиться в восьмом классе.

— У-у, чертовка, домой не возвращай-

ся,— угрюмо буркнул он, когда прослышал о ее решении.

— Приеду комсомолкой. Побьешь, что ли? — полушутя, полусерьезно сказала Люся. Маленькая, черноволосая, поблескивая глазенками и воинственно подбоченясь, она стояла перед братом.

Все это припомнилось, когда старенький автобус, нещадно тарахтя, брал подъем за подъемом в густом, пахнувшем подвальной сыростью ельнике. Может, и впрямь не следовало бы ехать домой, в деревню Карабай?

Брат был дома. Сидел с приятелем за бутылкой.

— А-а, птичка-невеличка прискакала! За жратвой, чи шо? Я поглядываю, не больно вам сладко живется в интернате.

— Проведать, как вы тут. Соскучилась.

— А что? Живем душа в душу, водчонку глушим,— он толкнул локтем в бок приятеля. — Хочешь, и тебя угостим?

— Надумаешь тоже.

— Не нравится? Комсомолкой стала?

— Ну и стала. Ну и что? Вот билет,— она достала из кармашка сатиновой юбки красную книжечку.

— Не послушалась! — брат скрипнул зубами и хотел было ударить кулаком по

столу, но застеснялся собутыльника. А тот, почувствовав, что в доме затевается неладное, поспешил распрощаться.

— Засиделся в гостях, пора и честь знать,— и бочком в дверь.

В комнате было накурено. В окне билась одинокая муха, монотонное жужжание раздавалось на весь дом.

— Покажи билет,— потребовал Борис.

— Нельзя в чужие руки. Издалека, пожалуйста, смотри.

— В чужие руки?! Я тебе чужой! — он вскочил и бросился к Люсе, схватил ее за плечи, стал сильно трясти, а потом ударил. Теряя сознание, она крикнула:

— Не трожь билет...

— Подумаешь, цаца!.. — он бросил ее и метнулся к печке. Жаркое пламя ослепило ее глаза, больше она ничего не помнит.

Очнулась под вечер. Брата дома не было. Сноха Лида сидела в углу и вязала из белого пуха варежки. Люсины карие глаза встретили холодный взгляд снохи.

Она вспомнила: билет! Неужели?.. Подошла к печке, посмотрела на шестке, отодвинула заслонку — нигде ничего не было.

— Что же он наделал!

Люся проплакала всю ночь напролет. Ей было жаль и себя, и свою омраченную радость, и так нелепо складывающуюся

жизнь. Такая беда! Как же она теперь посмотрит в глаза товарищам по классу? Нет, она не вернется в школу. И здесь не останется. Нет у нее больше ни родных, ни близких. Надо уезжать. Но куда? И кому она вообще нужна? Если уж брат так поступил, чего ожидать от чужих?

Пойти и заявить в милицию она была не в силах — еще осудят его, дурака... Пусть брат живет, как ему хочется, а она уедет. И никому не скажет куда.

Новенькую вел по строительной площадке сам дядя Вася. Показывая на громадину прокатного стана «2800», где шумно двигались подъемные краны и вспыхивали огни электросварки, где люди ходили, как в цирке, на головокружительной высоте, он вкусно чмокал губами:

— Видала? Это тебе не мать-деревня. Тут, птаха малая, и заблудиться можно, что в твоём лесу. Можно, спрашиваю?

У новенькой блестели глаза, на лице выступили капельки пота. Она побаивалась бригадира и не знала, что ему сказать. Дяде Васе не нравилось ее молчание.

— Прилетают всякие канарейки, — бурчал он себе под нос. — И шестнадцати нету, небось. Сколько за плечами образования-то?

— А? Что? — новенькая испуганно обернулась.

— Хоть до семилетки доучилась, спрашиваю? А то каждый день вожу по стройке вот таких, как ты, недомерков.

Девушка виновато опустила глаза: сейчас еще и про комсомол спросит...

— Пришли. Вот и наш участок. Тут твоя песня начинается. Запомни: учись, пока молода. Молчишь? Хороший соловей всегда молчит по молодости — ждет своего времени. Зато потом его не остановишь! — Дядя Вася был любителем-птицеловом. И как всякого птицелова, его всегда немножко мучала совесть: ведь ловить вольных птиц — дело, в общем-то, незавидное.

— Становись вот сюда, — он указал ей на свободное место, — бери в руки пассажи.

— Клещи-то? — переспросила новенькая.

— Мать-деревня! Они называются пассажирами. И делай таким манером... — Он зажал в одной руке два прутка арматуры, а второй ловко перехватил их тонкой проволокой, накрепко скрутив ее в аккуратный узелок. — Видела? Называется: простая вязка. Два раза плюнуть. К вечеру будешь вязать с закрытыми глазами. А сейчас слушайся вон того... В его звене арматурщиков будешь работать.

— Бригадир, кого привел? — спросили из котлована.

— Новенькую.

— А как ее зовут?

— Сами, ребятки, прознаете.

— А как насчет танцев — строга?

— Цыц! — дядя Вася хлопнул рукавицей по стеганым штанам. — Болтаете всякое на работе. Птахе малой не до вас.

Люся вскинула на него удивленные глаза: откуда он знает про ее несчастье? Но дядя Вася ласково потрепал Люсю по плечу:

— Не обращай внимания, канарейка. Ребята — какой с них спрос. И запомни: работать будешь по шести часов, не доросла еще...

Ее направили в звено Петра Артюхова. Сам звеньевой — человек средних лет. Его подручные еще моложе. Но для 16-летнего подростка они непререкаемый авторитет. Посмотрела, как ловки и споры их движения, и головой покачала: куда мне! Попробовала сама, узлы получаются грубыми, неуклюжими. Соседка подбодрила: ничего, лиха беда начало!

Через час она защемила пассатижами палец. Тихонько ойкнула. Еще через час придавила ногу пучком арматурной проволоки. Присела на колени, погладила боти-

нок. Нет, она никому не скажет, что ей трудно. Еще засмеют. Брат родной не пожалел, а эти... Кто она для них? Чужая, пришедшая...

— Эй, девонька, как тебя величают? — неожиданно под самым ухом раздался женский голос.

Она выпрямилась и встретила глазами с соседкой, которую все называли Евдокией.

— Люсей... А что?

— Бояка ты. Помалкиваешь, а у самой все из рук валится. Давай покажу, как надо с железками управляться.

— Ой, что вы! Я ж умею. Я сама!

— Умеешь?

— Угу.

— Смотри. Хотела, как лучше.

Люся уже пожалела, что так ответила. Правда, узлы стали получаться, но дело двигалось слишком медленно, так она не выполнит и полноремы. О заработке нечего и думать. А ведь ехала в Новотроицк, чтобы стать самостоятельным человеком, не зависеть больше от брата. На ее плечах потертое пальтишко, на ногах — стоптанные туфли, в чемодане пара платьев, из которых она уже выросла, — вот и все «приданое».

— Тетя Евдокия, — подошла она к со-

седке, — не клеится почему-то у меня.
— То-то! Иди сюда. Смотри...

В общежитие она возвращалась уже в одном трамвае с Евдокией Щетининой и Еленой Скоробогатовой. По дороге они ей показывали дома, что строили своими руками. Люся заметила: им приятно рассказывать все это новенькой. А что она расскажет?

Перед конечной остановкой Евдокия упрекнула ее:

— Уж больно ты молчаливая. Смену вместе проработали, а я так и не знаю, откуда ты прибыла, есть ли у тебя родители?

— Нет у меня... никого нет.

— Ох, горе какое! — закачали головами женщины.

Они познакомились на кухне. Одна чистила картошку, другая мыла посуду. Закипел чайник. Обе бросились к нему.

— Спасибо, я сама, — сказала Люся.

— Ты новенькая, да?

— Угу.

— Из деревни?

— Угу.

— Я тоже. Бугурусланская. Там нас много — Грачевых. А ты еще ни с кем не подружилась?

Люся замотала головой — нет.

— Давай со мной, а? Я в сороковой комнате живу, Галкой все меня зовут. А тебя как?

— Люсей.

— Ну, вот и познакомились, а то одной как-то не по себе. — Она вытерла руку о фартук и протянула Люсе.

Та благодарно улыбнулась. Галина ей понравилась с первого взгляда: она словно светится изнутри. И такая откровенная.

— Пойдем в кино, а? — продолжала Галка.

— Знаешь, я... — Люся замаялась и снова стала натирать кастрюлю песочком.

— Знаю. Сама так начинала. Не стесняйся, у меня деньги есть. Я штукатуром в «Доменстрое», недавно первую получку получила. Пойдем, а!

— Неудобно на чужие.

— Почему «чужие»? — искренне удивилась Галка. — Мы ж теперь подружки, так? Значит, все вместе. И горе, и радость.

На другой день Галка влетела в ее комнату с шумом.

— Смотри, что я достала! — в руках сборник стихов Вероники Тушновой.

— Тише, девочки спят.

— Пусть проснутся! Слушай, какие стихи!

И она, чуть понизив голос, принялась читать:

Скажут:

— У тебя на сердце камень.

А другой:

— Оно совсем как пламень.

Третий говорит наоборот:

— У тебя на сердце лед.

Кто же прав из них?

Правы они все трое:

Сердце — камень

в гулком пекле боя.

Для любимой — жаркая звезда.

Для мерзавца — холоднее льда.

Для большого друга

настежь дверцы.

Вот оно

мое какое сердце!

— Здорово! — Людмила сияла. — А ну, еще прочти.

Галка вздохнул, торопясь, глотая слова, прочитала еще два стихотворения. Потом спросила:

— А у тебя альбом есть?

— Для фотокарточек? Дома остался...

— Что ты — для фотокарточек! Для стихов.

— Нет такого.

— Заведи. И первым вот это спиши — «Мое сердце». А лучше всего — собирай свою библиотечку.

— Я на баяне играть люблю, — призна-

лась Люся. — И петь люблю. Все мечтала: поступлю в музыкальное училище. А брат... Ох, что это я разболталась.

— Ты играешь на баяне? А чего ж молчала? Айда в клуб записываться! — и она увлекла подружку за собой.

...Молодую арматурщицу прикрепили к электросварщику Николаю Павельеву, человеку спокойному, неторопливому. Поначалу Люсе работать с ним было хорошо: ученица неопытна, а учитель не погоняет. Но вот появилась в руках сноровка, и она почувствовала, что стала обгонять дядю Колю. Если выдается морозный денек, то его из теплушки на аркане не вытянешь.

Люся пыталась с ним поговорить по-хорошему — не помогает. Тогда сказала:

— Будешь уходить, не выключай аппарат. Видишь, сколько заготовок связала. Сама сварю.

Он ухмыльнулся:

— Попробуй, «зайчика» поймашь.

Она попробовала. Посмотрела в темное стекло предохранительного колпака — ничего не видать. Куда направить держак с электродной проволокой — не знает. Отстранила колпак, пошевелила держак — и тут ее ослепила яркая вспышка. Добрых полминуты сидела с закрытыми глазами.

— Ты чего, птаха малая, тут делаешь? — дядя Вася шлепнул ее рукавицей по плечу. — Я тебя разве в сварщики назначал?

— А чего он греется и греется... Разве с ним норму выполнишь? Сама хотела, да не умею. Дядя Вася, научи, а?

— Ишь, ты! «Сама хотела». Я те дам «сама хотела»! Сию минуту в медпункт!

— Чего я там забыла?

— Иди, иди, коль говорят!

Пока Люся бегала к врачу, дядя Вася распекал Павельева на чем свет стоит. Уходя, сказал:

— Наказанье тебе будет такое: подучивай ее своему делу. А потом на курсы пошлем. Девчонка тянется. Понял?

Сдача прокатного стана в эксплуатацию совпала с наступлением весны. Город наполнился грачиным граем, дробным стуком капли, звоном ручейков. А однажды, когда Люся возвращалась с работы, она увидела в небе два журавлиных клина.

И сразу вспомнила дом. И сразу потускнели бойкие краски весны. Никто не знает, где она. И она ничего не знает о брате, снохе, подружках-одноклассниках. Написать им? В школе, конечно, удивлены ее исчезновением. Райком комсомола ищет. Секретари в душе, наверное, поругивают

беглянку: уехала, не снявшись с учета. Плохо она поступила, очень плохо! Испугалась комсомольского наказания. Трусиха!

Нет, она не будет писать домой. Учиться на электросварщицу тоже не будет. И дружить с комсомолкой Галкой перестанет.

Недостойна!

Она придет сейчас домой и задаст реву... Ей уже казалось, что жизнь понемногу наладилась. Осваивает профессию, в бригаде уважают за трудолюбие. Руководитель музыкального кружка похваливает: еще годик-другой и можно думать о поступлении в училище.

Но на душе беспокойно. Несчастливая! Отец погиб на фронте, мать умерла. Братья разъехались, кто куда. Дома остался один старший. Какую обиду он ей нанес! Узнают на работе, что она билет проворонила и от комсомола прячется — ух, и достанется ей от тети Евдокии, от дяди Васили...

Что же делать?

Надо и отсюда уезжать. Куда-нибудь на север. Вчера читала, что в Мурманске ведется большое строительство. Вот туда и уехать.

В общежитии ее ждала Галка.

— Наконец-то! Переодевайся скорехонько, идем сажать молодые тополя.

— Куда, куда?

— На озеленение. Слыхала о решении горкома комсомола? Каждый житель города обязан посадить одно дерево и ухаживать за ним. Слыхала? А-а, да ты ведь не комсомолка... — Тут Галка стихла, внимательно посмотрела на подружку, словно видела ее в первый раз. — Слушай, я чего-то не понимаю. Ты такая хорошая, а в комсомоле не состоишь. Странно. Ты что, в школе вступить не успела, а?

— Не спрашивай, не надо...

Молодежь высыпала на улицу. Ребята копали лунки, а девчата опускали в них саженцы — голенькие, тощие прутики. Каждый замечал свой саженец. Люся сделала иначе: она сама вырыла ямку, выбрала деревце постройнее и посадила. На память. Спасибо тебе за все, Новотроицк!

Вечером та же Галка вдруг объявила, что через неделю они дают концерт.

— Какой такой концерт?

— Вот дуреха! Ведь мы с тобой занимаемся в клубе.

Ладно, север подождет. Она останется на недельку, а там обязательно двинется.

Было все: и громко хлопали, и кричали «браво», и называли даже по фамилии. Оказывается, это здорово — петь для своих же товарищей по работе. Вот они сидят

в притихшем зале. В первом ряду, как настоящий театрал, дядя Вася в черном бо-
стоновом костюме. А вон в углу тетя Ев-
докия и тетя Елена с мужьями. Обе наряд-
ные, помолодевшие. Комсорга Нину Семенову нынче тоже не узнаешь. Вежливо
упрашивает:

— Ну еще одну, девчата, еще одну!

Люсе страшно, но она соглашается. В ее репертуаре все больше русские песни, которые она слышала в деревне: «Вниз по Волге-реке», «Эх, Волга-реченька». Может, кому и прискучили эти песни?

Но как она ошиблась!

Утром к ней подошла Нина Семенова. Протянула свою сильную руку:

— Спасибо, Люся. Какая ты у нас: и работать, и петь мастерица, и на баяне получается.

— Что ты, Нина, мне учиться надо.

— Само собой. А сейчас передаю решение комитета: рекомендуем тебя на курсы электросварщиков. Дядя Вася за тебя ходатайствует очень: «Не век же девчонке проволоку вязать»... Верно?

Что же она сделала такого, что чужие люди, у которых и своих забот предостаточно, стараются всячески ей помочь? Она ж ничем не приметная, даже росточком не вышла. Да, далеко, слишком далеко захо-

дит доброта окружающих. Пора уезжать. Нельзя больше обманывать дядю Васю, тетю Евдокию, Галку, Нину...

— Ниночка, миленькая, благодарю за все. Только я на север собралась.

— Вот еще каприз! Лишняя профессия за плечами не виснет, как говорит дядя Вася.

— Нина, ты послушай, я не могу. Понимаешь?

— Почему?

И Люся наконец решилась: скажу все без утайки.

— Я... комсомолка.

— Ты комсомолка?!

— Скрываю от вас. Обманываю всех. Потому что... — Она прижалась к плечу Нины и залилась слезами.

— Только брата не обижайте. Родной все-таки. Любое наказание вынесу. Все хотела на север уехать. — Да куда ж уедешь от добрых людей?..

Она стала рассказывать все по порядку. И начинался рассказ с того памятного расставания на автовокзале, где веселые подружки провожали ее домой на двухдневную побывку. Начинался он так же, как и мы начали. А продолжает его жизнь. И нам остается только пожелать:

— До новой встречи, Люся!